

§11 ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ

Владимирова Т. В.

СЕТЕВЫЕ ПРАКТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Предметом исследования являются особенности социальных практик, направленных на обеспечение безопасности в условиях Интернета. Автор рассматривает ряд аспектов деятельности субъектов в обеспечении безопасности, которые задаются характером социальных коммуникаций в киберпространстве и сетевой, потоковой организацией виртуального пространства Интернета. Автор подробно рассматривает особенности сетевой коммуникации и влияние отдельных аспектов Интернета на безопасность с социальной точки зрения. Рассматриваются точки зрения различных авторов-социологов и философов на коммуникацию в современном Мире. Теоретико-методологическим основанием исследования являются социально-философские и социологические теории. Автор обращается к идеям Г. В. Мальцева, А. В. Назарчука, Д. В. Иванова и др. В изучении предмета использовались сетевой и информационный подход. Новизна исследования состоит в выявлении особенностей социальных практик обеспечения безопасности в Интернете. Формирование персональных микросетей, клонируемость ячеек сети и их способность к высокой вариативности составляют особенности сетевых практик безопасности. Практики культивирования «темпоральных разрывов» и (или) «преодоления разрывов» также рассматриваются как средство в защите информации и защите от информации. Нормами практик безопасности в Интернете становятся «свобода риска» и «комфортабельная анонимия», которые способствуют дальнейшему умножению угроз информационной безопасности.

Ключевые слова: многофакторное регулирование, социальная норма, темпоральные разрывы, комфортабельность анонимии, сетевые практики, информационная безопасность, сети слабых связей, свобода риска, бремя мобильности, киберпространство.

Review. The subject of the proposed study is the description of the social network of practices aimed at ensuring security in the Internet environment. The author examines several aspects of the activity of subjects in the safety set by the nature of social communication in cyberspace and network, streaming the organization of the virtual space of the Internet. Risks and threats in the Network formed by the presence/absence information and the increasing rate of obsolescence information. Social actors produce all new practices to protect the interests and

security, including in the virtual reality of cyberspace. These practices are associated with information security and protection of information, and facilitate orientation in the information space Network, with the aim of obtaining new information. The theoretic-methodological basis of research is the socio-philosophical and sociological theory. The author refers to the ideas of Maltsev, Nazarchuk, Ivanov and others. In her research Vladimirova has used the network and information approaches. The novelty of the research is caused by the fact that the author has identified the specific social practices of security on the Internet. The formation of personal micro-networks, clonable cell network and their ability to high variability are peculiarities of network security practices. Practices of cultivation of «temporal gaps» and / or «bridge gaps» are also viewed as a tool of information security and protection of information. Standard practices of Internet safety today are «risk taking» and «comfortable anomie» which only encourage further multiplication of threats to information security.

Keywords: *information security, network practices, comfort anomie, temporal gaps, social norm, multifactorial regulation, weak ties networks, freedom risk, burden mobility, cyberspace.*

С развитием Интернета в обществе формируется новая техника существования. Внечувственность, доступность, интерактивность, массовость коммуникации становятся основными ее чертами. Значение Интернета определяется содержанием переживаемого в глобальном масштабе процесса крушения квазирелигиозных идеологий XX века и связанных с ним переменами в значении свободы личности. Особую индивидуальную и общественную ценность приобретают свойства активного субъекта, которые получают благодаря Интернету «резонатор-усилитель» необычайной мощности, разгоняющий индивидуальные интенции до всепроникающих скоростей и всемирных масштабов. Сеть становится стимулом и прообразом искомой интеграции: она активизирует коллективные процессы унификации, синхронизации, группового давления и в то же время увеличивает степени свободы индивида, дает непосредственный доступ к коллективному интеллекту, непосредственный выход в надличностное пространство символов, убеждений, коллективных чувств.^[1] Осмысление возможностей сетевых коммуникаций во взаимосвязи с традиционными государственно-политическими структурами, национальными структурами, социально-культурными структурами определяет возрастающую важность Сети для безопасности и развития общества.

Но далеко не только социальное благо несет за собой развитие сетевого коммуникативного пространства. Сетевые коммуникации сегодня являются источником различных

деструкций для личности, общества и государства. Угрозы личности, обществу, государству, генерируемые киберпространством мы называем информационными.

Обеспечение информационной безопасности мы рассматриваем в широком и узком смысле этого слова: информационная безопасность в условиях современного общества (актуальной социальной реальности потоков и сетей) и информационная безопасность в условиях киберпространства (виртуальной социальной реальности). Если, в первом случае, и в целом, речь идет о социальных практиках безопасности, адекватных скорости и многообразию современных коммуникаций.^[2, 3] Во втором случае, мы говорим о сетевых практиках, адекватных изменчивому виртуальному пространству сетей и потоков. Второй тип практик обеспечения информационной безопасности составляет частный случай первого. И первый тип, и второй тип социальных практик сводятся, к содержанию: 1. защиты субъектом своей информации и защиты от внешней информации; 2. и к ориентации в информационном пространстве, поскольку ресурсы в условиях роста устаревания информации должны всякий раз пересматриваться и обновляться.^[4]

Сетевые практики обеспечения информационной безопасности имеют ряд особенностей, которые задаются характером социальных практик в киберпространстве и сетевой, потоковой организацией виртуального социального пространства Интернета. Рассматривая основные подходы к анализу сетевого коммуникативного пространства,

мы можем утверждать, что сетевые практики обеспечения информационной безопасности определяются функциональным значением, а не местом, в котором находятся акторы. Места (территории) теперь определяются производными функциональных узлов сети. На наш взгляд, эта особенность лежит в основаниях существования эффективности практик обеспечения информационной безопасности.

Основополагающим качеством киберпространства исследователи отмечают зависимость его формальных характеристик от представлений и склонностей его создателей (их знания и умения, профессиональные навыки и привычки, уровень интеллектуального развития, этические взгляды и эстетические потребности, формы и способы взаимного общения в рамках различных сообществ). При этом оно имеет совершенно особые качества: беспространственность (существование *нигде*) и прекращение действия физических законов.^[5]

Считают, что сеть Интернет имеет уже практически статус полноценной субкультуры. В литературе, посвященной анализу интернет-практик, указывают на необходимые признаки, позволяющие констатировать формирование полноценной самостоятельной Интернет-культуры: собственный сленг, внутренняя иерархия, набор устоявшихся идей, составляющих мировоззренческую позицию членов субкультуры, определенные этические нормы, достаточное количество формальных и неформальных лидеров, формирующих вокруг себя устойчивые сообщества пользователей и осуществляющих в них идейное предводительство. В качестве субкультуры, Интернет объединяет большие группы населения, формирует круг интересов и общения, стимулирует развитие межличностных отношений и имеет свои положительные и отрицательные факторы влияния на индивидуальную сферу психологической деятельности своих членов.^[6]

Утверждение о киберпространстве как о сложившейся субкультуре имеет под собой основание, если мы говорим о жизнедеятельности локальных, персональных сетей социального характера или микросетей. Такие сети выстраиваются пользователями, в том

числе, для реализации и защиты своих интересов. Можно сказать, что формирование персональных микросетей становится общей особенностью сетевых практик обеспечения информационной безопасности и, соответственно, универсальным способом воздействия на функциональные макросети. Персональные микросети можно рассматривать как «плотные сети» капитала мобильности, а функциональные макросети — сети слабых связей, также составляющие капитал мобильности актора. Эти два типа сетевых ресурсов выполняют различные функции в обеспечении информационной безопасности.

Можно предположить, что в условиях «плотных сетей» практики обеспечения информационной безопасности реализуются, в том числе, для решения проблемы избыточной информации и устаревшей информации. В условиях «сетей слабых связей» практики информационной безопасности решают задачи ориентации в информационном пространстве на предмет поиска источников новых ресурсов. Такое представление о технике безопасности в Сети пока что является гипотезой и составляет один из векторов перспективы исследования.

Важно обратить внимание на то, что в киберпространстве происходит дестабилизация социального нормативного регулирования. Идет откат к многофакторному регулированию (Г. В. Мальцев) нормы. Все чаще регулятором отношений становится не норма, а ценность (С. Лэш). Г. В. Мальцев указывает на существование первичного и вторичного регулирования взаимодействий в обществе. Между социальными ограничениями различных уровней, также как между регуляторами различных уровней существуют своего рода ранговые отношения. Над потребностями, интересами возвышается универсальный регулятор и социальный ограничитель — социальная норма, которая может их контролировать, смягчать, «приглаживать», признавать или не признавать. Высший социальный контроль воплощается в социальном нормативном регулировании.^[7, с. 16-17]

Норма интегрирует социальные регуляторы, придает индивидуальным и групповым интересам, разнообразным целям недо-

стающий им элемент всеобщности. Личный интерес человека, который признан и опосредован нормой, становится всеобщим. Носитель этого интереса может рассчитывать на его беспрепятственную реализацию, пока соответствующая норма является действительной. Норма есть наиболее совершенный инструмент регулирования, она представляет высшую организацию социального контроля. Норма появляется там, где все другие регуляторы — интересы, цели, ценности и т.д. действуют ненадежно или вообще не могут работать. Г. В. Мальцев отмечает, что социальная норма лежит в основании соционормативного регулирования — самого надежного уровня регулирования общественных отношений, который следует после многофакторного и психического уровня регуляции поведения. Множественность и непосредственный характер таких регуляторов, как потребности, интересы, цели, взятые не в абстрактной форме понятия, а как реальные, присущие субъекту мотивации его поведения, приводят к тому, что основная, «черновая» регулятивная работа осуществляется на многофакторном уровне. Бывает, что норма появляется позже, часто приходит на «готовое», выступая в контролирующей и охранительной роли по отношению к тому, что уже создано посредством интересов и ценностей.

Значительную роль в современных коммуникациях играет многофакторная регуляция, на которую опирается нормативное регулирование. Оно не может без нее обойтись, вынуждено воспринимать и продолжать выработанные в ней тенденции, идти тем же курсом. Однако в нормативном регулировании не было бы нужды, если бы оно являлось всего лишь санкционированием того поведения, которое диктуется потребностями, интересами и ценностями. Такие виды нормативного регулирования как правовое, моральное и религиозное, обладают высокой способностью сопротивляться «диктатуре интересов и ценностей». Это особенно важно, когда интересы чрезмерно субъективизированы, а ценности слишком идеализированы. [7, с. 21]

Регулирующим фактором может выступать любое существенное обстоятельство (интересы, цели, мотивы, взгляды, традиции

и т.д.), от которого зависит развитие социального процесса. Такие факторы, постоянно или временно выступающие в качестве социальных регуляторов, как правило, весьма подвижны, образуют в совокупности огромную динамическую массу, которую не удается рационально организовывать. Первичная факторная регуляция — это «поле побудительных сил», в рамках которого отдельные процессы и структуры часто движутся при наличии «силовых равнодействий» в сторону, не предусмотренную идейными предначертаниями и общественными программами. Г. В. Мальцев отмечает, что современное общество переживает ослабление вторичного регулирования — нормативного, и рост многофакторного. Большинство факторов, выполняющих функции социальных регуляторов, находятся в ведении человеческого сознания, могут направляться и контролироваться им, но они не всегда стабильны, постоянны, находятся перманентно в стадии формирования и трансформации, распадаются и исчезают, претерпевают функциональные изменения, оказывают побочные нежелательные воздействия на общество. В области многофакторного регулирования человеческое сознание не может долго и надежно удерживать преобладающие позиции. [7, с. 18]

Усложнение коммуникаций, рост их интенсивности в условиях киберпространства ведет также к формированию видимого упрощения нормы. «Откат» к многофакторному регулированию и упрощение социальной нормы способствуют развитию многоканальности и высокой плотности логистических путей, по которым осуществляются сетевые практики. Практики безопасности в сети обусловлены матричной природой сетевого пространства или свойством клонируемости ячеек сети, что позволяет охватывать трансформации крупных массивов объектов. С другой стороны, каждая ячейка сети способна не только клонировать матричную ячейку, но и реализовывать индивидуальное начало, что обуславливает возможность высокой вариативности практик безопасности.

Говорить о появлении новых нормативных ограничений в контексте понимания роста многофакторного регулирования, на первый

взгляд, абсурдно. Тем не менее, сделаем предположение о том, что сетевое коммуникативное пространство вырабатывает свою упорядоченность, представленную новой системой социальных ограничений коммуникаций/практик. Интересы субъектов остаются, развиваются и умножаются, а значит, как всегда, необходима норма как гарант безопасного взаимодействия, которая, в свою очередь, развивается, умножается. Такому состоянию свойственна немалая степень спонтанности, случайности, неорганизованности социального взаимодействия.

На наш взгляд, метафорой упорядоченности социального киберпространства является неорганизованность порядка, но организованность интеракций ввиду многофакторности регуляции коммуникаций. Эту неорганизованность порядка можно «увидеть» через концепт «нелинейного глоболокального социума» (С. А. Кравченко).^[8]

С. А. Кравченко отмечает, что в настоящее время активно формируется новая нелинейная глоболокальная социальная реальность. Мир на глобальном и на локальном уровнях сталкивается с усложняющейся социокультурной динамикой общества, невиданными ранее бифуркациями. В условиях глобализации конкретные культуры, подвергаясь изменениям, начинают не только активно противодействовать, но и рефлексировать, стремясь поддерживать свою идентичность. Со своей стороны, местные, культурные особенности, представленные, в том числе в персональных, локальных сетях влияют на характер рефлексии самой глобализации, того социума, который продуцирует глобальные виртуальные сети.

Социокультурные реалии современности несут неопределенность и риски. Отныне приходится жить без устойчивых ориентиров, долгоживущих факторов порядка, общепризнанных авторитетов. Растет осведомленность в том, что новые культурные реалии перестают быть однозначно «хорошими» или «враждебными»; они амбивалентны, ибо несут с собой не только очевидные блага, но подчас опасности, латентного характера.

А. С. Кравченко указывает на «парадоксальную свободу» в жизни современного

общества. Ее существенными характеристиками являются ее неизбежное навязывание и принятие на себя ответственности за явные и латентные последствия рисков: индивид поставлен в условия жизни, когда необходимо постоянно выбирать, просто нельзя не выбирать что-то или кого-то с учетом фактора немедленного или отложенного, явного или латентного рисков. Оценки сделанного выбора активно варьируются в социокультурном пространстве и изменяются во времени. Выбор, оказавшийся функциональным, эффективным для одного культурного пространства, не является универсальным для других культур.^[8, с. 6] Девиация в одном ценностно-нормативном пространстве становится инновацией в другом. Нормой жизни становится «риск свободы». Можно утверждать, что «риск свободы» становится нормой практик обеспечения безопасности.

Новый порядок ведет к появлению принципиально новых форм социального протеста, имеющих своеобразный глобальный дискурс. Если раньше основу протеста составляли институционализированные коллективные акторы, то теперь им на смену приходит «конвергенция разных типов акторов». Значительно сложнее стало влиять на крайне радикальные, неинституционализированные формы протеста, способные порождать «мучеников за «истинную» культуру, веру» и, соответственно, риски терроризма. Важно брать во внимание, что новые формы протеста сегодня зарождаются и реализуются в сетевом пространстве.

Мы уже отмечали, что безопасность возможно рассматривать как устойчивость социального порядка в условиях роста девиации, где девиация является и инновацией.^[9] А. С. Кравченко приводит утверждение В. И. Чупрова, Ю. А. Зубка, К. Уильямса о том, что проблема инновационных рисков состоит в систематической незащищенности человека перед угрозами, вызванными модернизацией и являющимися следствиями нерационального использования достижения научно-технического прогресса^[10].

В социальной теории фиксируется некоторое движение от нормы к ценности, — в большей мере подобный переход демонстрирует сетевое коммуникативное пространство.

С. Лэш анализирует формирующееся общество в категориях «нормы» и «ценности». Он отмечает, что организации предполагают нормы. «Неорганизации» основаны на ценностях. Норма допускает процедуры, а «неорганизации» оперируют скорее с ценностями, чем к нормам. Но они не похожи на социальные нормы, предшествующие модернити. Они не являются ни традиционными сообществами, ни общественными формами, подобными организациям или институтам. Они выступают, скорее рефлексивными сообществами». ^[11] В современном киберпространстве, в большей мере, развивается ориентация на ценность, а не ориентация на норму. Но отсутствие ценностной системы является еще одной особенностью сетевого «социального порядка», порождающего многообразие и развитие толерантности.

Н. Луман отмечал, что современность характеризуется ориентацией на новые способы селекции, не предполагающие в перспективе стабильности. Теперь общество дифференцирует между селекцией и стабилизацией — только потому, что давление со стороны инновации (девиации) усиливается и поэтому должно перерабатываться быстрее. Сеть, выраженная, в том числе в потоках (М. Кастельс, Дж. Урри, Д. Иванов), являет пространство наибольшей плотности и интенсивности коммуникации. Именно в сетевом гиперпространстве давление со стороны девиации/инновации усиливается и перерабатывается все быстрее. ^[12]

Важнейшей характеристикой социального пространства сети является то, что решения (практики/коммуникации), не предполагают стабильность и ориентируются на скорость, что ведет к специфическому нормированию, ориентирующемуся на нестабильность и высокую скорость.

О появлении новых форм нормирования в Сети можно косвенно судить через призму анализа потоковых структур, предложенного Д. В. Ивановым. Различные типы структур, задаваемые направленностью, плотностью и интенсивностью информационных потоков (вещей, людей, сообщений) задают различные формы координации в социуме. Д. В. Иванов считает, что эти формы существ-

венно различаются по степени традиционно понимаемой социальности. Он отмечает, что на фоне абсолютной социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, относительной социальности сетей потоки предстают как феномены антисоциальные или альтерсоциальные. ^[13] Вероятно, под «абсолютной» социальностью имеется в виду «абсолютная», обязательная устойчивая нормированность. Вслед за теоретиком мы различаем несколько социальных пространств, организованных различными способами нормирования: нормирование институционального пространства, нормирование пространства частной и ситуативной интеракции, нормирование пространства социальной сети, с характеристиками «относительной социальности» и попытки нормирования пространства потоков, представленных «антисоциальностью» (Д. Иванов). «Антисоциальность» понимается нами как отсутствие нормы. Здесь различны формы социальных ограничений, соответственно, различны практики обеспечения безопасности.

Д. В. Иванов утверждает, что гибкие, селективные и поддерживаемые в большей мере символическими коммуникациями, а не физическими действиями, сети являют собой новую модель структурности, отличную от институтов и групп, но не редуцируемую к агентности. Сеть как своего рода мезосоциальный феномен «вклинивается» в проблемный континуум «макро-микро» между интеракциями и нормативными системами. Отношения между участниками сети в этом континууме оказываются чем-то совершенно новым и открывают перспективу исследования новых структур в давно известных явлениях, поскольку не сводят их ни к индивидуальным мотивам, ни к институционально диктуемым паттернам. ^[13]

Сеть, не просто состоит из самозарождающихся узлов и коммуникаций, а представляет собой пространство потоков (М. Кастельс, Д. В. Иванов). М. Кастельс справедливо утверждает, что возникла «новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его пространство потоков. Пространство потоков есть мате-

риальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки»^[14]. Под потоками он подразумевает целенаправленные, повторяющиеся последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают пользователи в экономических, политических и символических структурах общества.

Эти информационные потоки, однажды сформированные определенными интересами, следом ведут к частичной институционализации определенных практик, составляя структуры или правила/ограничения на какое-то время.

Различные типы структур, задаваемые направленностью, плотностью и интенсивностью информационных потоков (вещей, людей, сообщений) задают различные формы координации в социуме. Можно предположить, что критерием обеспечения безопасности (устойчивости в условиях изменчивости) в сети является направленность, плотность и интенсивность информационных потоков или сетей. Относительно этих переменных субъект вырабатывает тот тип социальной практики, которая соответствует одному из видов социальности (или уровню (степени) интенсивности информационного коммуникативного потока). Виды социальности, в том числе различаются по скорости времени, в котором осуществляются коммуникации.

А. Н. Назарчук указывает на значение скоростных режимов времени для эффективной реализации социальных практик. Он пишет: «поскольку время единонаправлено, источник различия в нем — не маршрут, а возможность ускорения и замедления, т.е. темп. Темпы в музыке задают совершенно разные динамические миры, темпы в социальной жизни обуславливают совершенно разный жизненный профиль. Коль скоро современные общества оказываются способны генерировать вместе со временем изменения и прироста, понятие темпа жизни оказывается решающим при определении жизнедеятельности, конкурентоспособности, производительности труда, а следовательно, процветания общества. Социальным богатством, в отличие от колониальной эпохи, начинают

обладать не те страны, которые располагают ресурсом пространства (пространство не несет в себе приростов), а те, которые способны организовывать время и увеличивать жизненные темпы и производительность. Критерием социального совершенства становится умение реализовывать разные темпы, а не придерживаться одного. Задача успеть вдвое больше за тот же промежуток времени — предъявляет колоссальные требования к состоянию и «спортивной форме» общественного организма. Но возможностей выскочить из этой гонки ни у одной страны в глобальном обществе нет».^[15]

Осмысление столкновений различных скоростных режимов коммуникации порождает понятие «разрыва» в социальном пространстве. А. Н. Назарчук отмечает, что временные разрывы в социальном пространстве были всегда, но в глобализирующемся обществе они начинают преодолеваться, генерируя новый профиль общества. Сегодня разные цивилизации, следуя С. Хантингтону, вынуждены сосуществовать в едином времени. Между культурно-цивилизационными областями (Хантингтон насчитывает их восемь) существуют разрывы, которые в ряде случаев, например, если сравнивать Африку и Европу, являются гораздо более разительными, чем между римлянами и варварами. Но это разрывы единого времени, единой цивилизации. Разрывы могут быть и внутри одного общества, причем не обязательно в отношении маргинальных слоев в обществе. Временные разрывы могут культивироваться и социально одобряться, например, в отношении к религиозному образу жизни общин монахов или явлениям традиции (борьба на японских мечах и т.д.). Временные реминисценции являются важнейшим для культуры способом идентификации и сохранения своей специфики.

В большинстве случаев временные разрывы — деструктивное явление для общества. Они порождаются разными жизненными темпами разных слоев общества. Поскольку общество роста ориентировано на максимизацию изменений, в нем заложено присутствие как передовиков, так и отстающих, т.е. в нем заложен эффект увеличения расстояния между первыми и последними. Если это рас-

стояние столь велико, что участие в «гонке» теряет смысл, ее участники могут выпадать из единого времени, в котором их объединяет «гонка». Для тех, кто решает в ней не участвовать, темп времени радикально меняется. Время «гонщиков» экстернализируется для них, т.е. теряет смысл, который ощущают полноценные участники. С этого момента движение участников гонки представляется им хаотической суетой, не более. Точно так же для участников гонки выпавшие из нее выпадают из времени, оказываются в застывшем «безвременье». Речь идет о разрыве времени, о разных социальных временах, сосуществующих рядом. Точкой пересечения разных социальных времен является время физическое. Физическое время служит единственным окном, где они встречаются, но также единственным способом и поводом к конфликту. Через это окно представители иного времени, например, времени квази-средневекового исламского фундаментализма, могут пытаться разрушить актуальное время, терроризируя из своего времени иные времена. Но и представители «последующих времен» имеют возможность, и гораздо более широкую, через физическое время, внедряться во «времена прошлые». Таким внедрением служат, к примеру, формы колониальной практики, когда «чужие» начинают на территории «иного времени» расстраивать свои колонии, внедрять свое время. Этот процесс имеет колоссальные социально-разрушительные последствия. Для аборигенов сокращается область «их» времени, время приобретает границы, ибо в любой момент можно оказаться на территории чужого времени, точнее, чужое время может оказаться там, где находишься ты. Временная неопределенность дестабилизирует бытие, хаотизирует весь жизненный ритм, порождая социальную аномию.^[15]

Подобные наблюдения значения времени и ритма практик имеют прямое отношение к выводам об особенностях осуществления сетевых практик информационной безопасности относительно различных идентификаций и темпоральных возможностей акторов и, в целом, отдельных сетевых ресурсов (мобильных капиталов). Очередная вариативность практики одновременно является

и инновацией, и девиацией, и угрозой. Вопрос только — для кого?

Мы уже отмечали, что, как минимум, различают общества с высоким уровнем циркуляции потоков и общества с низким уровнем циркуляции потоков. Соответственно существует, как минимум, две модели обеспечения социальной безопасности. Практики обеспечения информационной безопасности задаются таким критерием как уровень интенсивности коммуникации. Можно добавить, что обеспечение информационной безопасности, прежде всего в Интернете, — это практики культивирования темпоральных разрывов и (или) практики преодоления разрывов в защите информации и защите от информации. Практики преодоления разрывов осуществляются в целях ориентации в общем информационном пространстве на предмет контроля за информацией.

Сетевое киберпространство мы рассматриваем как пространство «комфортабельной аномии», где комфортабельность обусловлена покоем и безопасностью тела, анонимностью субъекта. Свойство анонимности Интернет-коммуникаций имеет несколько особенностей: вследствие физического отсутствия участников в акте коммуникаций можно выражать чувства, скрывать их, а также выражать чувства, которые человек в данный момент не испытывает; теряет свое значение рад барьеров общения, обусловленных полом, возрастом, социальным статусом, внешней привлекательностью или непривлекательностью, а также невербальной составляющей коммуникативной компетентности партнеров; возникает возможность создавать о себе любое впечатление по своему выбору, при этом обогащаются возможности не только самораскрытия человека, но и конструирования своего образа по своему выбору.^[16]

Следствием анонимности и защищенности от оценок является субъективная безопасность Интернета^[17], которая и ведет к развитию безнормности и потенциально, к особому состоянию аномии.

С другой стороны, общеизвестно, что чувство анонимности носит иллюзорный характер — практически любое действие в Интернете может быть отслежено. Но даже если

человек знает, что за ним наблюдают, виртуальный мир представляется ему анонимным, поскольку его наблюдение визуально. Возможность говорить от лица другого человека ведет к возникновению чувства анонимности, ощущению одиночества в толпе. ^[5]

Вместе с анонимностью приходит и состояние «расторженности». Л. О. Пережогин указывает, что в условиях отсутствия внешних ограничений, регулирующих поведение в реальном социальном мире, — материальных ограничений, моральной цензуры, художественной критики, политических и конъюнктурных влияний, — практически беспрепятственно могут реализовываться разного рода патологические идеи (например, создаваться «художественные» произведения или опробоваться транссексуальная идентичность). ^[6]

Следствием анонимности является также особая эмоциональная окрашенность, которая «прямо провоцируется анонимностью» (В. Нестеров). В условиях субъективной безопасности во-первых, исчезает детерминированность поступков, человек делает не то, что должен, а то, что хочет; во-вторых, образ партнера приобретает таинственность, непонятное же всегда притягивает, и если человек открывается, то это придает отношениям определенную интимность; в-третьих, отсутствие ответственности, случайность встреч и всегда существующая возможность в любой момент прервать связь и навсегда исчезнуть в не имеющей границ Сети позволяет людям быть более откровенными, чем в реальности. ^[18] Таким образом, анонимность и эмоциональность в Интернете связываются авторами как причина и следствие (В. Нестеров, А. Е. Жичкина, Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова и др.)

В киберпространстве появляются новые нормы, которые отсылают к мысли и о рождении аналогичных ценностей — нормы комфортабельной анонимности и свобода риска. Обязательным становится свобода и обязательным становится риск в принятии решений. Обратимся к определению современного общества в традициях Франкфуртской школы: современность это общество комфортабельной несвободы. Г. Маркузе считал, что развитая

индустриальная цивилизация — это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе. Права и свободы, игравшие роль жизненно важных факторов на ранних этапах индустриального общества, утрачивают свое традиционное рациональное основание и содержание и при переходе этого общества на более высокую ступень сдают свои позиции. Свобода мысли, слова, совести — как и свободное предпринимательство, защите и развитию которого они служили, — первоначально выступали как критические по своему существу идеи, предназначенные для вытеснения устаревшей материальной и интеллектуальной культуры, более продуктивной и рациональной. Но, претерпев институционализацию они разделили судьбу общества и стали его составной частью. Результат уничтожил предпосылки. ^[19]

В обществе «комфортабельной несвободы» основные социальные ограничения организуются такими формами контроля как потребление и коммерциализированная массовая культура. На наш взгляд, это сквозное определение социального порядка современности, которое работает как в неvirtуальном мире, так и в виртуальном сетевом пространстве. Но работа эта происходит по-разному. Если в неvirtуальном мире идет дальнейшее культивирование комфортабельной несвободы, то в виртуальном пространстве человек реализует для себя не негативную, а позитивную свободу аутсайдера. Два эти противоположные по своим характеристикам процесса присущи действиям одного индивида.

Итак, комфортабельная несвобода современности дополняется комфортабельной анонимией ее виртуального социального пространства. Традиционные практики защиты информации и от информации усложняются ввиду развития виртуальной социальной реальности киберпространства. На наш взгляд, свобода риска и комфортабельность безнормности становятся атрибутом сетевых практик обеспечения информационной безопасности.

Состояние «комфортабельной анонимности» и «свободы риска» актора ведет к информационной избыточности и к усилению «разлома» между виртуальным и реальным мирами

(В. И. Игнатьев), что сказывается на росте условности сетевых практик информационной безопасности. Это же явление выражено в гипертрофии вариативности коммуникаций, которое описано нами выше. Чем больше масштаб и влияние циркуляции сетевых информационных потоков, тем разнообразнее бремя мобильности и тем больше вероятность различных типов вынужденного движения субъекта в реализации интересов и безопасности. Можно говорить о такой особенности сетевых практик информационной безопасности как «бремя мобильности». Считаем, что избыток информации провоцирует гипертрофию практики информационной безопасности.

Рост скорости и, соответственно, рефлексивности взаимодействий ведут, в том числе, к активизации конструктивизма и игровых практик. В качестве теоретико-методологической перспективы в исследовании практик

информационной безопасности мы предлагаем подход-метафору к определению информационной безопасности. Информационная безопасность — это скорость, осведомленность и игра, где под игрой подразумевается защита информации и защита от информации.

Итак, характер социальных практик в киберпространстве и особенности сетевой, потоковой организации виртуального социального пространства Интернета определяют особенности сетевых практик обеспечения информационной безопасности. Изучение и освоение таких практик являются сегодня необходимостью, которая становится составляющей жизни любого социального субъекта. Безопасность сегодня требует неустанной работы с информацией, включающей в себя взаимодействие с различными экспертными системами, делокализацию действия, бремя свободы и риска.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Пронина Е.Е. Психология журналистского искусства. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.
2. Владимирова Т.В. Информационная безопасность: к методологическим основаниям анализа вопроса // Информационное общество № 5, 2012 г. С. 47–52;
3. Владимирова Т.В. Информационная безопасность: социологическая перспектива понятия // Национальная безопасность. — Nota bene. 2013. № 4 (27). — С. 597-604. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.4.7476.
4. Владимирова Т.В. О значении новых мобильностей для безопасности // NB: Национальная безопасность. — 2014.-№ 1.-С.9-23. DOI: 10.7256/2306-0417.2014.1.11164. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_11164.html
5. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Психология жителей интернета. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
6. Пережегоин Л.О. Интернет-аддикция в подростковой среде. URL: www.rusmedsery.com/psychsex
7. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М.: Норма, 2007. С. 16-17.
8. Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. – М.: «Анкил», 2009.
9. Владимирова Т.В. Безопасность как устойчивость социального порядка в условиях возрастания девиации // Национальная безопасность. — Nota bene. 2013. № 1 (24). – С. 12–19. – DOI: 10.7256/2073–8560.2013.01.2.
10. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М.: Наука, 2001.
11. Lash S. Critique of Information / S. Lash. – London: Thousand and Oars (Ca.), 2002.
12. Владимирова Т.В. Сетевые коммуникации как новая «формула спасения» социального порядка // Национальная безопасность — Nota bene. 2013. № 2 (25). – С. 371–378. – DOI: 10.7256/2073–8560.2013.02.16.
13. Иванов Д.В. Актуальная социология, веселая наука в поисках злых истин // Журнал Социологии и социальной антропологии 2010.-№ 2-3.-С.21-51. С.51–65.
14. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / М. Кастельс; под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики. – 2000.
15. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии.-2012.-№ 9.-С. 56–66.

16. Жичкина А.Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy>
17. Карделан К., Грезийон Г. Дети процессора: как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых: пер. с фр. / Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
18. Нестеров В. Что выплавляют из «тонн словесной руды», или попытка реабилитации чатов. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy>
19. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе; пер. с англ. А. А. Юдина. – М.: АСТ Москва. 2009.
20. Яшина А.В. Информационные технологии и трансформация системы обеспечения безопасности. // Вопросы безопасности. - 2014. - 4. - С. 104 - 130. DOI: 10.7256/2409-7543.2014.4.13332. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_13332.html
21. Загузов Г.В. Административно-правовые средства обеспечения информационной безопасности и защиты информации в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. - 2010. - 5. - С. 44 - 47.
22. Бочаров М.И., Бочарова Т.И., Симонова И.В. Содержательные компоненты обучения информационной безопасности на этапах основного и среднего общего образования // Национальная безопасность / nota bene. - 2014. - 2. - С. 260 - 275. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.2.9576.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Pronina E. E. *Psikhologiya zhurnalistskogo iskusstva*. — М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2002.
2. Vladimirova T. V. *Informatsionnaya bezopasnost': k metodologicheskim osnovaniyam analiza voprosa* // *Informatsionnoe obshchestvo* ¹ 5, 2012 g. S. 47–52;
3. Vladimirova T. V. *Informatsionnaya bezopasnost': sotsiologicheskaya perspektiva ponyatiya* // *Natsional'naya bezopasnost'*. — Nota bene. 2013. ¹ 4 (27). — S. 597–604. DOI: 10.7256/2073–8560.2013.4.7476.
4. Vladimirova T. V. *O znachenii novykh mobil'nostei dlya bezopasnosti* // *NB: Natsional'naya bezopasnost'*. — 2014. — ¹ 1. — S.9–23. DOI: 10.7256/2306–0417.2014.1.11164. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_11164.html
5. Kuznetsova Yu.M., Chudova N. V. *Psikhologiya zhitelei interneta*. — М.: Izd-vo LKI, 2008.
6. Perezhogin L. O. *Internet-addiksiya v podrostkovoi srede*. URL: www.rusmedsery.com/psychsex
7. Mal'tsev G. V. *Sotsial'nye osnovaniya prava* / G. V. Mal'tsev. — М.: Norma, 2007. S. 16–17.
8. Kravchenko S. A. *Riski v nelineinom globalokal'nom sotsiуме*. — М.: 'Ankil', 2009.
9. Vladimirova T. V. *Bezopasnost' kak ustoychivost' sotsial'nogo poryadka v usloviyakh vozrastaniya devyatsii* // *Natsional'naya bezopasnost'*. — Nota bene. 2013. ¹ 1 (24). — S. 12–19. — DOI: 10.7256/2073–8560.2013.01.2.
10. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Uil'yams K. *Molodezh' v obshchestve riska*. — М.: Nauka, 2001.
11. Lash S. *Critique of Information* / S. Lash. — London: Thousand and Oars (Ca.), 2002.
12. Vladimirova T. V. *Setevye kommunikatsii kak novaya 'formula spaseniya' sotsial'nogo poryadka* // *Natsional'naya bezopasnost'* — Nota bene. 2013. ¹ 2 (25). — S. 371–378. — DOI: 10.7256/2073–8560.2013.02.16.
13. Ivanov D. V. *Aktual'naya sotsiologiya, veselaya nauka v poiskakh zlykh istin* // *Zhurnal Sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 2010. — ¹ 2–3. — S.21–51. S.51–65.
14. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*: per. s angl. / M. Kastel's; pod nauch. red. O. I. Shkaratana. — М.: Gos. un-t Vyssh. shk. ekonomiki. — 2000.
15. Nazarchuk A. V. *Sotsial'noe vremya i sotsial'noe prostranstvo v kontseptsii setevogo obshchestva* // *Voprosy filosofii*. — 2012. — ¹ 9. — S. 56–66.
16. Zhichkina A. E. *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty obshcheniya v Internete*. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy>
17. Kardelan K., Greziion G. *Deti protsessora: kak Internet i videoigry formiruyut zavtrashnikh vzroslykh*: per. s fr. / Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2006.

18. Nesterov V. Chto vyplavlyayut iz 'tonn slovesnoi rudy', ili popytka reabilitatsii chatov. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy>
19. Markuze G. Odnomernyi chelovek / G. Markuze; per. s angl. A. A. Yudina. — M.: AST Moskva. 2009.
20. Yashina A. V. Informatsionnye tekhnologii i transformatsiya sistemy obespecheniya bezopasnosti. // Voprosy bezopasnosti. — 2014. — 4. — С. 104–130. DOI: 10.7256/2409–7543.2014.4.13332. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_13332.html
21. Zaguzov G. V. Administrativno-pravovye sredstva obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti i zashchity informatsii v Rossiiskoi Federatsii // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. — 2010. — 5. — С. 44–47.
22. Bocharov M. I., Bocharova T. I., Simonova I. V. Soderzhatel'nye komponenty obucheniya informatsionnoi bezopasnosti na etapakh osnovnogo i srednego obshchego obrazovaniya // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. — 2014. — 2. — С. 260–275. DOI: 10.7256/2073–8560.2014.2.9576.